

Счастливым билетом НИКОЛАЯ ХРИСТОФОРОВИЧА ДРАГОМИРЕЦКОГО

*Ирина Драгомирецкая,
Валерия Кустова*

для Русской Жизни

ЧАСТЬ 1

Известие о смерти Николая Христофоровича Драгомирецкого (1 апреля 2016) больно ударило по тем, кто его знал. Потеря - невосполнимая для родных. Все слова соболезнования были высказаны друзьями и близкими. Но он был настолько значительной и знаковой фигурой, особенно для Музея русской культуры в Сан-Франциско, что потребность узнать больше о его собственной жизни привела к Ирине Дмитриевне Драгомирецкой. Так состоялся этот разговор о покойном муже. Наш диалог более походил на монолог, но он того стоил. Ирина Дмитриевна, пожалуйста, расскажите о том, что считаете важным, интересным из жизни Николая Христофоровича. Как все начиналось?

- Детство у Коли было тяжелое. Семья жила в Одессе и квартиры у них не было. Его отец, Драгомирецкий Христофор Иосифович (1889, Кишинев -1966, Сан-Франциско), был белым офицером. Он участник 1-й Мировой войны - подполковник, кавалер ордена Святого Георгия (давался исключительно за личное мужество), а также орденов Святого князя Владимира, Анны и Станислава. В 1916 году попал в плен к австрийцам. С

1919 года сражался в рядах Добровольческой армии. На несколько месяцев был прикован к госпитальной койке из-за пулевого и штыкового ранений, а также долго незаживающего тяжелого ранения в голову, да еще сыпной тиф добавил. При отступлении Добровольческой армии был оставлен в Одессе. Когда пришли красные войска, белых офицеров расстреливали сразу же. Одна медсестра успела передать Христофору форму рядового солдата. Это спасло жизнь, но не уберегло от дальнейших преследования и лагеря. Он был сослан на Дальний Восток, на золотые прииски в 1934 году, где у заключенных выход на волю был только один - в могилу. Христофор Иосифович это понимал и сказал начальнику лагеря: "Можете меня расстрелять сразу. Работать не буду." Ему еще раз повезло - начальник лагеря оказался бывшим белогвардейцем, и отправил грамотного "зека" работать в контору, потому он и выжил.

- Как же его семья жила это время?

- Квартиры не было, но у матери Коли (т.е. у матери Николая Христофоровича) была очень дружная семья: три сестры и брат. Благодаря им, Коля жил у одной тети, брат Женя - у другой, жена Христофора, Екатерина Михайловна, - у третьей сестры. Племянников растили как своих собственных детей. Когда отец вернулся в 1937 году из ссылки, все семья жила вместе некоторое время в однокомнатной даче

на берегу Черного моря. Долго работать на одном месте не получалось - клеймо "белогвардейца" настигало везде. Однако, это не помешало призвать его, инвалида по состоянию здоровья, в возрасте 50 лет, в армию. Он служил в штабе полка связи рядовым.

- Это произошло накануне войны?

- Это было в 1941 году. А когда Советская армия оставила Одессу, с трудом и осложнениями он покинул город и уехал в Югославию. Коле тогда было 13 лет, брату 18, он был мобилизован и попал в армию. Мама в 1943 году скончалась от рака. Коля остался один. Он направился в Югославию и в Белграде отыскал отца. С тех пор они всегда были вместе. Отец поступил в Русский Корпус, а Коля начал готовиться к экзаменам в гимназию. Жили с кадетами. Но война продолжалась, и они оказались в Германии. Работали у фермеров. Коле одно время приходилось выдаивать 10 коров по три раза в день. Жили недалеко от Мюнхена в бараках Baldham. Оставаться в Германии русским, особенно родившимся в Советском Союзе, было опасно, боялись выдачи и отправления в СССР. Появилась возможность уехать во Французское Марокко или в Бельгию, причем уехать сразу, не ожидая очереди. Коля вместе с отцом в марте 1947 года перебрался в Касабланку на яхте "Valena", которая, кажется, принадлежала Гиммлеру. А через несколько месяцев, 27 августа 1947 года, на той же яхте в Касабланку

приехала я с родителями и младшей сестрой.

- Ирина Дмитриевна, откуда Вы родом? Расскажите о своей семье и каким был Ваш путь в Африку.

Я родилась в Днепропетровске. Нас с сестрой крестили в церкви, конечно, тайно. Машины родители - Гайдуки, имели свое гонимое дело. Еще до сих пор в округе Светловодска помнят их изделия. (Светловодск стоит на Днепре, ныне в Кировоградской области Украины.) Мамин папа, мой дедушка, был старостой в церкви. Его арестовали в начале 30-х годов за неуплату налога на церковь. Налог был слишком велик для маленького прихода. Два года подряд удавалось его выплачивать, а на третий не справились. У дедушки отобрали церковные ключи, арестовали, семью раскулачили. Он скончался до суда. Мама уехала в Днепропетровск. Она, дочь раскулаченных, смогла найти работу только в качестве прислуги в доме доктора. В этом городе она встретила папу. Началась война, папа был мобилизован, но из-за неразберихи и суматохи ему удалось бежать. Он скрывался на чердаке своего дома, и даже мы, дети, не знали об этом. Мамина младшая сестра жила с нами, ей было 16 лет. Когда молодежь собирались увозить на работы в Германию, чтобы этого избежать, решили ошпарить ей ногу кипятком. Папа собиравшийся в пункте сбора, что свояченица не может ехать. Но в этот день оказалось много таких ошпаренных, и ему

сказали: "Ты поедешь вместо нее в Германию!" и оставили. Тетя Женя об этом узнала и на следующий день, пришла на сборный пункт. Она не могла оставить сестру и девочек без отца. Папу отпустили, а ее увезли. Через несколько лет после войны она вернулась, но окружным путем. Вместе с подружкой тетя Женя несколько раз меняла место жительства и работу, чтобы никто не знал, что она была в Германии.

- Когда тетю Женю увезли в Германию, ваша семья все еще оставалась в Днепропетровске?

- Да. Когда начались сильные бомбежки, мы прятались в бомбоубежище. Потом маме надоело и мы стали ночью оставаться дома. Однажды утром папа говорит, что сегодня пойдем спать в бомбоубежище. Неохотно, но мы так сделали, а ночью наш дом разбомбили. Целым остался только угол с иконой, на ней даже стекло не треснуло. Через несколько лет этой иконой родители благословили нас с Колей перед свадьбой. Она до сих пор со мной. А тогда папа сказал нам, что ему накануне приснился сон, будто в наш дом попадает снаряд, прямо туда, где стоит детская кроватка моей младшей сестренки. Чудо помогло нам спастись! Бог сберег.

Вскоре нас по приказу немцев эвакуировали в Первомайск, а потом в Германию. Папа не хотел оставаться с коммунистами. Мы, папа, мама и две дочки, шли 900 км пешком до Первомайска

и останавливались только на ночь, проходя в день когда три, когда 20 км. У нас была повозка с вещами, родители сами тащили ее. По дороге папа купил жеребчика и запряг его в повозку, а потом продал в Первомайске. Потом из Первомайска поездом попали в немецкий лагерь Фалькенберг. Это был 43 год. Кормили плохо. Суп из крапивы и брюквы. Детям давали стакан молока и кусочек хлеба. Папа чинил вагоны и иногда находил кормовую свеклу. Она была сладкая. Еще он делал грабли и менял их на картошку. Мама тоже работала. Получали какие-то карточки на еду. По воскресеньям позволяли выходить из лагеря. Когда начались большие налеты и бомбежки, уходили в лес. Однажды нам повезло - разбомбили военный эшелон с едой. Потом мы перебрались на другую сторону Эльбы. Два с половиной года жили в лагере Менхенгоф около Касселя. Здесь мы с сестрой пошли в школу. Я училась хорошо, все три класса была отличницей. Тогда же я поступила в ОРЮР и стала "Белочкой". После 45 года началась "сортировка" всех беженцев. Лагерь надо было оставить в 47 году. Беженцам из СССР можно было уехать в Америку, но ждать 5 лет. Марокко, Бразилия и Бельгия принимали без очереди. Родители выбрали Марокко. Так мы оказались там в 47 году.

- И там Вы встретились

с Николаем?

- Нет. С Колей я познакомилась только в 54 году. Мой папа сразу нашел работу, и мы уехали из Касабланки. Жили недолго в Сиди-Маруф, затем в около 5 лет в Бин-эль-Уидане. Мы с сестрой учились в школе-интернате города Марракеш. Родители забирали нас на каникулы. На неделе в четверг и воскресенье занятий не было и нас забирали к себе чаще всего семья Мирковичей, когда они не могли, то Герасименко или Монтвилловы.

Отец Коля жил в Касабланке, а Коля работал в разных городах. В Марокко белый должен был делать "белую" работу. Коля немного поработал каменщиком, штукатуром, а потом перешел в строительную компанию к трем братьями Герасименко, русским из Чехословакии.

- И это работа для белых?

- Конечно, она требует умения. В 47 году из Германии приехало много холостяков. Кто-то уже имел специальность. Они помогали тем, у кого не было профессиональных навыков, обучали их. Коля за один день научился работать с нивелиром, вести расчеты. Работал геодезистом, потом топографом - сначала один, затем прорабом - "chef d'equipe geometrique" - на строительстве разных объектов во французской компании и на Американской базе. **РЖ**

*Окончание
в следующем выпуске*

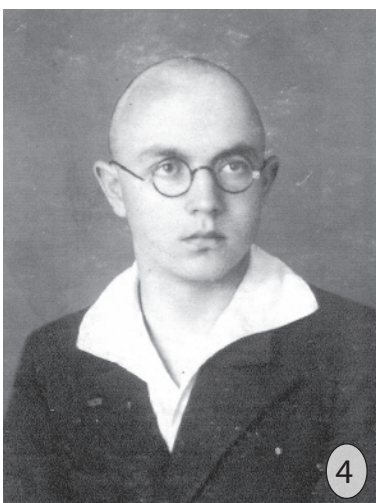
День памяти Святителя Иоанн

В Радосте-Скорбященском кафедральном соборе Западно-Американской епархии состоялись торжества, посвященные пятидесятилетию преставления Святителя Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Чудотворца, и ознаменованные Первоиераршим служением

*фотографии
прот. Петра Перекрестова*

В субботу, 2 июля, в день памяти Святителя Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Чудотворца, в Радосте-Скорбященском кафедральном соборе г. Сан-Франциско торжества пятидесятилетия преставления этого дивного угодника Божия были отмечены соборным служением Божественной литургией многочисленным сонмом архипастырей и пастырей во главе с Высокопреосвященнейшим Иларионом, митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским, Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви, при огромном стечении богомольцев как местных, так и прибывших со всех концов света почитателей жизни, подвигов и памяти великого архипастыря русского раскола.

Высокопреосвященнейшему Первостоятелю Русской Зарубежной Церкви сослужили Высокопреосвященнейшие архиепископы: Берлинский и Германский Марк, Сан-Францисский и Западно-Американский Кирилл, Монреальский и Канадский Гавриил, Чикагский и Средне-Американский Петр; Преосвященные епископы Салаватский и Кумертауский Николай (Башкортостанская митрополия Русской Православной Церкви), Сиэттлийский Феодосий, викарий Западно-Американской епархии; Николай, епископ Манхеттенский, Заместитель Секретаря Архиерейского Синода; Паисий, епископ Тимошуринский (Румынская Православная Церковь), и Николай, бывший епископ Ситкинский и Аляскинский Православной Церкви в Америке, ныне пребывающий на покое в составе епископата Русской Зарубежной Церкви; клирик храма Святителя Задонского Тихона в бывшем детском приюте в Сан-Франциско архимандрит Ириной (Стинберг), несущий различные послушания как в Синодальной канцелярии, так и в Западно-Американской епархии; настоятель Иоанно-Предтеченского собора в столице США митрофорный протоиерей Виктор Потапов, митрофорный протоиерей Стефан Павленко, настоя-

Фотографии:

1. Коля в Сахаре, 1955 г.
2. Папа, Христофор Иосифович, брат Женя, Коля, мама, Екатерина Михайловна. Семья Драгомирецких, 1927 г.
3. Прогулки вчетвером. Сестра Ирины, Валентина, Николай и Ирина, подруга фотографирует
4. Николай, 1944 г.

Николай приехал вовремя.
7 сентября 1958 г. –
счастливый день
счастливой пары

Марокко. Касабланка. Миша Герасименко несет икону, которая уцелела во время налета и которой родители благословили молодых. Перед приездом жениха, на шутивное замечание мамы, мол, может жених совсем не приедет, мальчик отреагировал очень серьезно. "Если жених не приедет, я на тебе женюсь!"

Счастливый билет НИКОЛАЯ ХРИСТОФОРОВИЧА ДРАГОМИРЕЦКОГО

*Ирина Драгомирецкая,
Валерия Кустова*

для Русской Жизни

ЧАСТЬ 2

*Окончание, начало в
выпуске от 6 августа 2016*

- Как же вы встретились?

- На масленицу в 54 году. Мы с мамой собирались к ее подруге. Я оделась украинским парнем: шаровары, рубаха, кубанка. Там уже собралось несколько подруг и там был Коля. Я дурачилась, шутила, целовала дамам ручки. Было весело, и я была в ударе. А Коля мне сразу понравился. Весь вечер украдкой я незаметно следила за ним, но оказалось, что и я ему понравилась. Короче говоря, мы стали встречаться. Поскольку он работал за городом, то приезжал только в субботу, и мы встречались только раз в неделю. У меня родители были очень строгие и нас сопровождала "chaperone"- моя сестра, а т.к. она не хотела ездить с нами одна, то с ней еще была ее подружка. Вот так мы вчетвером и проводили время. Ну, а когда Коля стал женихом, то нас вечером в кино отпускали одних.

Я после школы закончила курсы черчения и работала в проектной компании Societe Marocaine D'etudes, которая состояла в основном

Крестины дочери, Сан-Франциско, 1962 г.

из русских эмигрантов. Коля работал тогда в Сахаре во французской компании. Моя компания предложила Коле перейти на работу к ним, его уже знали и ценили как хорошего специалиста. Когда он сделал предложение мне, то сказал, что перейдет в русскую компанию, где я, если я скажу "Да".

Коля все торопил, а я тянула с ответом, боялась признаться, что не умею готовить. Когда он узнал причину - сказал: "Будем

готовить вместе." И вот назначили день свадьбы. Тут мой жених говорит: "Так что, полагается бриллиантовое кольцо?" А я в шутку ответила: "Вроде бы полагается, но я не хочу на него смотреть в микроскоп!" Коля отвечает: "Ну, и не будет кольца." А я ему: "Ну, и не надо." И никогда потом мы не вспоминали об этом. У нас были тоненькие обручальные кольца, которые купили в Марокко.

Но 15 лет спустя уже в Америке Коля звонит мне

на работу и просит подъехать в одно место - это оказался ювелирный магазин. Дал мне примерить бриллиантовое кольцо с вопросом: "Микроскоп нужен?" Конечно, я о таком и красивом кольце с крупным камнем в обрамлении более мелких и не мечтала. Просто жилось с Коленькой и без кольца прекрасно! Но мама мне сказала: "Когда жених дарит первое кольцо - он красуется, а это - после 15 лет - это настоящая любовь. Цени

мужа!"

У нас на свадьбе в Касабланке была почти вся русская колония. Несколько проницательных и опытных дам предсказывали: "Ну, эти двое не проживут и трех месяцев!" Мы почему-то ссорились часто и бывало подолгу не разговаривали. Коля сдержал слово, перешел в мою компанию, и до самого отъезда в Америку мы работали вместе. И почему-то после свадьбы поводов для ссор у нас больше не было.

- Когда же вы приехали в Америку?

- Мы всей большой семьей приехали в Сан-Франциско 29 февраля 1960 года - Коля, я, трехмесячный сын, Колин папа и мои родители с сестрой. Конечно, как у всех, в начале было тяжело, но мы жили все вместе в одном доме пока не обжились. Коля искал работу, не мог устроиться по специальности и готов был мыть посуду в ресторане, но его не приняли из-за отсутствия квалификации. Опыт мытья посуды дома не шел в зачет. Чтобы получить работу надо быть членом профессионального союза, а для того чтобы им стать надо получить сертификат. Коля пошел в школу, на строительные курсы. Учился и работал на стройке на ставке ученика. Получив сертификат продолжал работать в крупной строительной компании. У него были группы (бригады) по 30-50 человек. Многие здания в Сан-Франциско возведены с его участием. Только гостинице The Westin St. Francis на Union Square он посвятил около 28 лет.

Дети подросли, пошли в детский сад, потом в гимназию Св.Кирилла и Мефодия. Там Коля принимал большое участие: был казначеем в родительском комитете, летом с другими родителями ремонтировал и красил классы. Пять раз в неделю заезжал в гимназию и ждал до конца занятий, чтобы привезти детей домой. Когда начались скауты ОРЮР, Коля и там

много работал. Был казначеем родителей и друзей ОРЮР. Устраивали вечера, балы, лепили пельмени раз в месяц в пользу постройки скаутского дома. А когда построили скаутский дом, то работал в комитете казначеем.

- Вы тоже работали со скаутами?

- Конечно, около 30 лет. Он меня поддерживал во всех начинаниях, ездил со мной в скаутские лагеря и помогал их строить начиная от Jordan Park, Laytonville, Boulder Creek около Santa Cruz и Bucks lake. Я была скаутмастером и много лет начальницей лагеря "Белочек", и один или два раза начальницей всех лагерей.

- Ваша жизнь была связана с Русским Центром сразу по приезде в Сан-Франциско?

- Нет, не сразу. Дети были маленькие. Мы иногда посещали балы, спектакли. Наш друг Д. Браунс много рассказывал и уговаривал нас приходить и поработать в музее, библиотеке. Мы помогали, но не работали постоянно. В Русском Центре с первого фестиваля Коля устанавливал с Петей Лерхе торговые ларьки, крепили к потолку украшения и матерчатые "юбки", расставляли столы, стулья - это все уже вошло в обычай. Все эти годы он работал на Дне Русского Ребенка. Никогда не отказывался ни от каких волонтерских работ: клеил адреса и марки на письма-приглашения, сидел в лотерее или на входе в Русский Центр.

- Когда Вы стали работать в библиотеке?

- С начала 1996 года мы пришли вдвоем, когда начался переезд библиотеки с первого этажа на третий. Коля укрепил все книжные полки, соорудил лифт-колодец для подъема книг в хранилище музея. Я разбирала и систематизировала книги, составляла новые каталоги. В скором времени, уже в феврале, Коля стал работать в музее. Он участвовал в большом проекте по микрофильмированию музейных коллекций для Гуверовского института. Последние годы сканировал подготовленные коллекции. Он был 17 лет казначеем в музее.

С 60-х годов мы были членами прихода церкви прп. Сергия Радонежского. Коля много работ делал в церкви, около 20 лет был секретарем приходского совета. Только последние три года перестал секретарствовать. Коля считал, что надо помогать всем православным религиозным организациям - без них не будет семьи.

И несмотря на то, что все добрые дела занимали у него много времени, он успешно работал до 1989 года - до пенсии.

- Расскажите про историю со старшим братом Николаем Христофоровичем. Как вы его нашли?

- Коля думал, что Женя погиб, но мы его в списках погибших не находили. И я, посоветовавшись со священником, всегда ставила свечку за здоровье - душа-то остается живой. Нам помогла Леночка Иванникова. Она нашла в интернете статью о Евгении Христофоровиче

Драгомирецком и его фотографию. Он очень походил на Колю. В статье речь шла о 90-летнем юбилее бывшего заведующего онкологическим отделением больницы в г. Северодонецке (Украина). Подполковник медицинской службы, хирург-онколог, который последний раз стоял у операционного стола в свои 87 лет. Сын Евгения Христофоровича, наследовал профессию отца и теперь заведует тем же отделением. Когда мы связались по Скайпу - окончательно поверили в чудеса. Это был Женя! Братья расстались во время войны и встретились через 72 года, тоже в военное время. Они разговаривали, видели друг друга, последний раз говорили утром 1 апреля этого года. Но..., встретиться не довелось. Хотя очень хотелось.

- Вы многое пережили вместе, наверное, были трения в сложные периоды...

- Все эти 58 лет Коля был любящим, дорогим, внимательным и добрым отцом и мужем. Ни разу я не слышала от него "нет", или он совершил какой-нибудь поступок, который оставил бы неприятный осадок. Мы все делали вместе, даже за хлебом ездили вместе. Каждый прожитый день всегда оставлял у нас хорошее чувство. Коля был веселым, любил петь, любил музыку. Мы часто говорили, что наша встреча была выигранным лотерейным билетом. Мы были очень счастливы. Самое большое счастье - наша семейная жизнь.

- Ирина Дмитриевна, спасибо, что доверили нам

события Вашей совместной жизни, рассказали о детстве, о родных. Вы вырастили прекрасного сына (он копия папы) и дочь. У Вас есть внук. Но надо научиться жить без дорогого человека. Малым утешением будут мои слова, что музей просто осиротел без Николая Христофоровича. Он был таким замечательным человеком, очень теплым в общении, всегда с легкой доброй улыбкой, нетребовательным, неворчливым, если только чуть-чуть и то по делу. Он никогда не жаловался на болезни и боль, с иронией отвечал на вопросы о здоровье. Мы настолько привыкли, приходя на свою волонтерскую работу, видеть его на рабочем месте у сканера (последние годы в Музее он был просто незаменимым специалистом по сканированию архивных коллекций). Он консультировал по многим вопросам, прекрасно проводил экскурсии, а если замечал интерес к какой-то теме или пробел в чем-то просто приносил книгу или журнал и давал почитать. Вместе с Вами, приходя в музей утром одним из первых, заваривал чай, потому что некоторые волонтеры могут добраться пешком, а кто-то тратит на дорогу около двух часов.

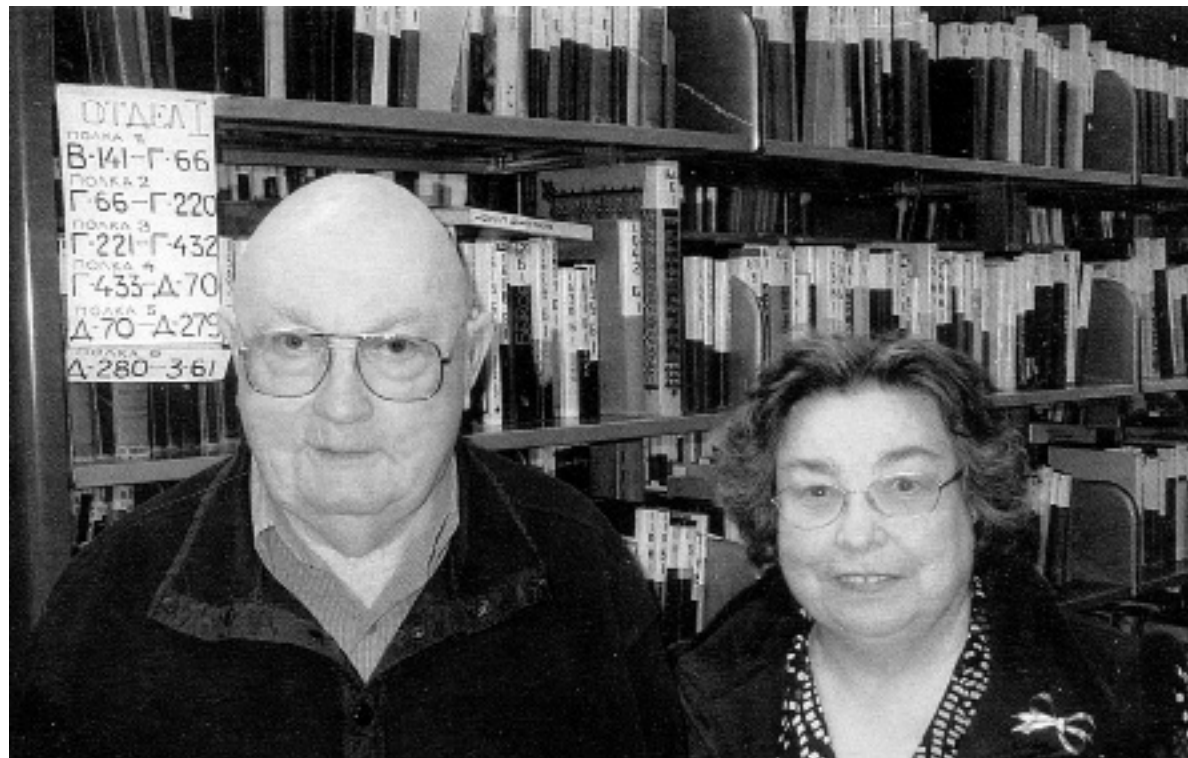
Когда-то один поэт сказал: "Ты важен только здесь, сейчас. Забудут сразу же как вышел." Возможно, для многих. Но Николай Христофорович излучал столько света, добра и тепла, что его хватало не только Вам, Вашей семье, но и нам.

Пока мы живы - он будет с нами.

РЖ

Всегда вместе.
Дома, 1980 г.

Вместе в библиотеке Русского Центра, 2015 г.